

Андрей Архангельский
Выступление на Круглом столе
«30 лет гласности: К чему пришли сегодня?»
17 марта 2015 г.

Сначала по поводу журналистики как бизнеса. Надо сказать, что я в течение года поставил зверский эксперимент над самим собой. Я слушал пропагандистские радиостанции «Вести FM», «Говорит Москва». Просто я пытался понять механизм пропаганды, как он работает, как действует. Все-таки это более тонкая работа, чем по телевизору, больше пробелов.

Я должен сказать, что самым большим потрясением за этот год было, как ни странно, не то, что я услышал по государственным станциям. В этом, в общем-то, ничего удивительного нет. Но самым удивительным открытием и самым удивительным потрясением было то, как трансформировалась за год радиостанция «Бизнес FM». Год назад представлялась вполне независимой активной, а сейчас, допустим, повестка по Украине у «Бизнес FM», практически, идентична пропагандистским радиостанциям, она практически совпадает.

Это, действительно, удивительное открытие... Потому что ты спрашиваешь себя: ведь это издание нового типа, а что могло случиться с этими людьми, не с теми, которые знали, куда шли (я имею в виду пропагандистские станции), а с теми, которые шли с идеей свободолюбия, бизнеса, независимости? То есть о чем все это говорит? О том, что идея бизнеса как спасителя независимости средств массовой информации потерпела абсолютный крах в российских условиях. Потому что в первую очередь говорить о независимом бизнесе в России нельзя. Он зависит точно так же и от государства. Поэтому некорректно говорить о том, что существует какой-то независимый бизнес, на деньги которого может существовать независимые СМИ. Это абсурд.

Что, собственно говоря, важнее? Что может этому противостоять? Как это ни прозвучит смешно, этому может противостоять этика и совесть. Потому что есть совершенно другой пример. Телеканал «Дождь», который тоже является бизнес-проектом и который много раз, вероятно, в лице его инвесторов, пожалел о том, что ввязался в это дело, но тем не менее каким-то образом все-таки сохранил этот бизнес. То есть все-таки речь идет о том, что главной гарантией независимости журналистики является этика, совесть как таковая - необязательно журналистская.

И в связи с этим я хотел бы еще сказать вот о чем. Поскольку мы говорим о 30-летию перестройки, мы говорим о каких-то важных вещах, которые случились 30 лет назад. Это, прежде всего, свобода, это освобождение. Как ни странно, этот момент совершенно не был проговорен. То есть проблема не в 80-х, а проблема в 90-х и в дальнейшем. Потому что в 80-е вопрос свободы являлся первичным, он являлся априорным. Это не нужно было объяснять, все люди это чувствовали. Они чувствовали это физиологически. Потом, на мой взгляд, этот вопрос не был проговорен.

Поэтому в связи с этим, мне кажется, важнейшей задачей, если вообще можно о каких-то задачах говорить сейчас, теоретической задачей является разговор о свободе, как о ней говорить. Присутствующий здесь Сергей Пархоменко очень смешно, что называется, «срезал» меня, когда я ему об этом рассказывал. Он сказал: говорить «о свободе вообще» – это все равно, что говорить «о женщине вообще». Действительно это смешно. Попробуй поговори.

Как говорить о свободе? Мы говорим о конкретной женщине или мужчине, объекте. А как говорить о свободе? Для свободы нужны какие-то примеры. Но тем не менее мне кажется, что пока эта проблема не будет решена, дальше двигаться невозможно. В обществе дискурс свободы, проблематика свободы вообще не проговорены. Она в российском, постсоветском, советском обществе вообще практически отсутствует, она не

является чем-то важным, она не является сверхценностью. За пятнадцать лет пропаганды этот вопрос о свободе ушел вообще, он заменен на вопрос о государственной независимости и т.д. со всем этим набором клише, который работает прямо противоположным образом.

Мне кажется, сейчас важнейшая задача журналистики – было бы затеять разговор о свободе. Но, вероятно, нужно приводить примеры. Но тем не менее это нужно держать в качестве сверхзадачи. До тех пор, пока в обществе не будет ощущения свободы как сверхценности, ни о какой свободе журналистики говорить не приходится. Потому что у человека просто отсутствует чувство, чутье к свободе, он не ценит ее, хотя бы потому, что не знает, что это вообще такое.